

«ХРИСТИАНСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ»

Евангелие — верная и растяжимая гармоника, которая в каждое время и на каждом месте и каждой личности играет то, что ее настраивает.

Библия научила меня читать и думать и я увидел, что «сущность всего» — в правильном мышлении и своевременном действии в побеждающем покое.

Библия — отражение бытия и сознания, а не наоборот. Так было, так оно и есть, И глубоко низвергаются те, кто хотят ее отражать в жизни, вместо того, чтобы видеть в ней свою отраженность.

И однако спасение начинается там, где начинается послушание, послушание жизни, и кончается там, где начинается исполнение, исполнение слов.

Но исполнение начинается там, где выявляется воочию — Неисполнимость.

25/VI—1921 Кисловодск

Вдохновение и искренность — вот два плода, две единственные ценности, которые составляют «сущность всего».

И нет такой области, в отношении которой то и другое было бы всем, определяющим все.

Жизнь личности и вселенной туманна и материально многогранна и различна. Ее кристаллизация лишь кажущаяся. Все движется, «все течет», создавая различимо и прихотливо формы бытия и сознания, деятельности и общественности.

Но и религия, и наука, и искусство, и философия, и ремесло, и профессия, и управление, и поэзия и торг вращаются вокруг одной и единственной оси — вокруг внутреннего человека — вокруг Сына Человеческого.

В духе ли он, искренен ли он. Верен ли он себе самому в данный момент, и данной форме своего жизненного выражения.

Созерцающая, совершает ли. Действуя, действует ли. Вдохновенно ли и искренно его созерцание. Действуя, движется ли он.

Над религией и над всем, что выходит из рук его, из уст его, из помыслов его, — верен ли он своему рождению во вдохновении и искренности.

Что? Он удерживает свою позицию священника или общественного деятеля в силу своего вдохновения и верности себе или по инерции, рутине, на стыде или привычке.

Пророк более верен себе, когда лежит на солнце и греет свое худое тело, чем когда пророчествует, хотя бы и своими, но вчерашними откровениями. Молчание ближе к делу, чем форсирующая себя деятельность.

Есть одна только верная идея, — это идея верности всякой идее, поскольку в данный момент и в данных условиях она облечена вдохновением. И пусть поэт молчит, когда обгоняющие одна другую идеи и образы не побеждены единством чистого, без форм, вдохновения.

Единственная, бесценная форма, Личная форма Вдохновителя, сама себя, как форму, уничтожила, чтоб жить во вдохновении.

Евангелие нельзя толковать. Евангелие во всех своих частях — только повод и толчок для нового и живого выражения: для рек живой воды, текущей... на чрева.

Да молчат подле него те, кто ищут в нем вечного покоя, а не искр вечной жизни, переливающейся через край.

Жизнь Отца и жизнь Сына и жизнь Духа свидетельствуют об одной единственно стоящей Истине: бессмысленности «жизни», бессмысленности «религии», бессмысленности красоты, бессмысленности нравственности вне принятия ЛИЧНОСТИ в любом ее воплощении с ее собственным вдохновением, с ее собственной искренностью.

Все, хвалящее источник своего происхождения, все хвалящее видимый или

невидимый- чувствуемый, созидаемый или подозреваемый или проясняющийся смысл жизни, да творит это самое, — побуждаясь свободным влечением духа — там и так, где застигнут его волнами.

Для духовного, т.е. для живущего вдохновения, религия не может быть не только профессией, но и делом. По самой его природе — его Бог скандал, смущающий всякое мещанство.

Если бы мы могли только понять, что мы хороши, но уже действительно хороши только в свое время и на своем месте.

А в безвременье — все неуместно. И все — один соблазн. Всякое слово — ложь.

Самое покаяние — образ и путь самоосуждения — человек способен обратить в форму и способ самооправдания. И им оправдаться.

Признание своей порочности вменить себе в добродетель.

Все устарело, кроме молчания и стыда. Молчание и стыд — лучшие «формы» поклонения в духе и истине.

6/V—1921 Тамбов

24 июня 1917 г.

ИСКУШЕНИЯ

Хлеб — в достоинстве Сына

Власть — в достоинстве Духа

Скачок — в достоинстве Отца.

Когда жену, уже родившую младенца, питали в пустыне, где Он голодал, — она искушалась Его искушениями о Нем. Тоже три. В истории. В разумении воли Божией. В концепции исторического момента, в понимании психологии народов, оставляющих Церковь. Искушаема отовсюду... А младенец растет возрастом Божиим.

Умеете ли вы мыслить массами в единых образах?

Коллективы естественные имеют свою биологию Царства Божия.

Коллективы искусственные — ордена, секты, общины, братства — только эксперименты, подтверждающие общие законы исторического развития Духа в поколениях, на времени, на земле, в вечности.

Иной масштаб, иная мера, иные орудия для наблюдения.

Иной способ разумения.

Но... пророчества не уничтожайте.

Свидетельство искушенного Иисуса есть Дух пророчества.

Дух все пронизывает — толщу истории и социологии будущее возвещает.

Дух свидетельствует.

А мы говорим, что слышим.

Время близко.

Смотрите.

24 июня

Где в Евангелии, именно в Евангелии, я упираю на это, потому что вы замыкаетесь, где там публичные исповеди? Пусть исповедует либо Тому Единому, Которому согрешил в своей комнате, либо друг другу в уединении.

Зачем же эта социализация грехов? И поводы для эксплуатации нищих? Говорю, как разумным. Разумеете, что я говорю.

Земные цели, земные тяготения, и больше ничего, под маской освобождения храма Св. Софии и выполнения мессианского назначения русского народа. Мы до развились до понимания того, что не драки иерархов вокруг Гроба Господня, и

не дипломатические покровительства в этом центре средневековых помышлений — дело угодное Господу. Но мы доросли и до того, что не Византия и византийские идеалы и догматы являются украшением Христа в русской народной душе. Не к Византии пойдет русская демократическая мысль и душа через свой крест, которым она пропята рядом со Христом, а к той способности всечеловеческого объятия, которое воспитали в нем бичи Божий византийские наследники. Из-под этого креста не выйдет русская народная душа и неся на своем вымытом в бане белом теле раны и язвы своего крещения, станет этот коллективный, искони общинный, искони мирской меньшей брат и скажет: «Во Царствии Твоем» В небесном Иерусалиме.

Не мессианская задача будет ею воплощена, не принесение искупительной жертвы она горделиво берет на себя, но и не разум демократии управляет народом сим. И не он оправдывается и не им оправдывается Россия.

Мы накануне слишком больших и слишком серьезных духовных явлений для того, чтобы тешиться традиционно-бытовыми проявлениями религиозности.

Молот Господа сил выковывает нового деятеля: одухотворенную массу. Демократизация плодов Духа широкая и вольная — вот программная картина недалекого будущего. Смоковница распускает листву. Смотрите, чтобы мощи не заслонили нам живой встречи.

Не удивляйтесь тому, что я сказал, ибо надлежит всему тому быть. Исследуйте писания. И удивляйтесь. Потому что это все по истине удивительно. Вот речь смирившегося Учителя. Вы слышите? Смирившегося Учителя. Смирившегося перед наученными, воспитанными и возвращенными им грешниками и невеждами. Вот.

...Я увижу вас опять, и в тот день вы не спросите Меня ни о чем. О чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам... «Прямо возведу вам об Отце. В тот день будете просить во имя Мое. И не говорю Вам, что Я буду просить Отца о Вас: ибо Сам Отец любит вас, потому что вы возлюбили Меня, и уверовали, что Я исшел от Бога...» (И. 16, 23, 26, 27)

Свел с Отцом тех, кто ему поверил и отошел в сторону. Теперь иди сам. Не автократия, а самостоятельность. И законченное и завершенное дело. Возвестил, открыл. Уверовали. Приняли. Теперь идите.

Конечно, это было сказано тем, кто сам был способен смириться.

Он знал, с кем говорил, кого избрал и поставил, чтобы они шли и просили и были Его учениками.

Ибо Он ранее того научил, что ученик не более Учителя, но и научившись сам, будет таким, как Учитель. И слуга не больше Господина.

Это надо усвоить всем ученикам и ученикам учеников: Учитель перед нами смирился, не тем ли более надо смириться нам? И Петр смиряется. Вам расти, мне умаляться, мог бы он повторить слова великого подготовителя путей — Иоанна Крестителя.

Но с тем вместе лишается своего значения и то явление, которое называется сектантством. Это — репетиции, пробы оживления. Бессмысленно и зря гонимые, но подчас принимавшие характер какого-то мещанства в дворянстве. Это класс и его не должно быть. Его не будет. Никаких классов. А это несомненно средний класс, претендовавший по временам и по местам на первенство по добронравию и послушанию. Первенцы и избранные. С прекращением гонений и с возвращением русской церкви ее достоинства, отнятого уголовно-полицейской защиты Обер-Прокурора судов и орды сыщиков, именовавшихся миссионерами, наступает возможность объективной оценки сектантских движений. Несомненна вдохновленная Самим Господом его подготовительная роль, его ученические шаги, его рвения и устремления, его любовь к слову Божию, его искания горняго. Огромное дело им сделано. Имеется поколение духовно возвращенное и воспитанное в сектах.

Имеются в них люди, к которым надо идти учиться не только понимать Слово, но и любить. Имеются сохранившие слово терпения Его и участвующие в страданиях Его. Я их не сравниваю ни с кем, тем более с сановниками Церкви. Живой Господь ведет их. И однако самый принцип изоляции и обособления — не Христов. Время угодников, пустынников, монахов, старцев и пр. прошло. Прошло время и единичного спасения с уходом из Церкви. Наступило новое время. Новый час. Новое дело. Новое служение. Время и дело вестников, посылаемых в Церкви и в Ней действующих. На камне, на Петре построенная Церковь не может быть одолена адом. Петр распят, Петр распят. Смотрите. Замечайте знамения времени. Распят головою вниз. Наперекор стихиям. Шиворот на выворот. Превратно, противоестественно, борясь, упираясь, споря и прекословя до конца. Петр распят. Но жив Господь. Его Церковь должна жить. Где будет труп, там соберутся и орлы. Орлы летят и впереди стаи Орел, пребывающий, доколе Он придет, не бессмертный, но пребывающий и ожидающий встречи Иоанн. Данная историческая минута могла бы получить свой религиозный диагноз в экспрессивной картине. Жилистый, коренастый, с крепкой шеей, среднего роста престарелый Петр, окаменевший на кресте, на котором он повешен головою вниз. Крест обращен к Палестине. От креста летит к Востоку свыше расправляющий крылья Орел с множеством орлят. Вдали побелевшие нивы. Урожай. Наступающее лето, Смоковница вся в листве. Еще выше над Орлом, в центре, на облаках, очертанные, нежные едва заметные Его ноги, точно раскаленные в печи.

Все это на фоне кровавой бойни и замешательства народов.

Это пишет, вы знаете, не враг Божий и не враг людей. Нет, и не фантазер и не иллюзионист, не сектант, слишком реально мыслящий, слишком близкий к земле, любящий Петра, любящий историю и предания, сам имеющий в предках — иерея за иереем. Но... Дух говорит: Петр распят. Не я его распял, не сектанты, нет. Он должен был быть распят. Это его чаша, его доля, его крест. Он участник в страданиях Христовых. И время его исполнилось. Пробил час. И в нем прославился Сын Человеческий. Будьте духовно внимательны и вы заметите, что претензии иерархии в наши дни — не что иное, как мертвые. Точно голос из недр земли. Зов протоиерея: «Идите к священникам, они вас научат», или «Только я могу сделать вполне христианином» фразы, слышанные мною — человеческий крик, в котором уже не слышится веры, но фанатизм, в котором нет благодатной силы, но... только старина матушка. Петр умер, кто же вы, и что вы можете, что вы знаете, разве мы вас не слышали? Обратитесь, братья, или заявление: «*Je sui sacerdos*» ведь это же звучит язычески. Это давно прошедшее из учебников.

Петр распят. В Италии светской властью, к которой его преемники протянули свои лапки. Во Франции Комбом, где иезуиты породили определенную формулу: «*Si cumiesuitis, поп сип Jesuitis*» В России — Кесарем, с которым его наследники завязали такую тесную дружбу. В маленькой Армении попечением патриархов и ниже о спасении физической жизни народа и полным забвением о душах паствы.

Мы смотрим на труп и не понимаем. Иногда бранимся. Не верно! Акт окончен. И не будет возобновлен. Мы уверены в воскресении Иисуса Христа, мы знаем, что Церковь, построенную на Петре не сокрушат врата ада, но от смерти избавляет ее Победивший смерть. Петр же не победил смерти, Петр не воскрес и не воскреснет до времени пришествия. Читайте Евангелие. Ищите в преданиях.

И все-таки стоим на Петре. Ноги мои стоят на каменном основании истории Церкви.

Почему все это так? Как некогда он, проводив Господа ввысь, и постояв, разведя руками, после встал, пошел и стал действовать, ни о чем и никого не спрашивая, так и создавшиеся на нем идут и ни о чем не спрашивая, действуют, повинясь... Духу.

Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода. Плоды Петра — Петры — живые камни. Когда они

умирают, на их могильном камне вырастает новое. Закон смерти соответствует закону жизни. Но жизнь не перестает. Не перестает и жизнь личного индивидуального духа... Бог живых: Авраама, Исаака, Иакова, мы бы могли добавить в этом случае: Петра. Но миссия завершена. Действие доиграно.

Есть натуры ретроспективные. Способ мышления у них ретроспективный. Они хорошо запоминают, помнят и вспоминают. Они очень хорошие последователи. Они могут прекрасно продолжать начатое дело. Они твердо будут стоять на принятом и усвоенном. Первобытная, черноземная природа их не сразу поддается культуре и обработке. Но однажды впитав в себя, они уже непоколебимы. Их сопротивляемость, их крайности, их упорство и настойчивость, будучи переработаны словом и духом, дают впоследствии их деятельности ту устойчивость и прочность, без которых самое жизнеспособное дело могло бы выдохнуться. Не нося в себе ни тени претенциозности на какое-либо самостоятельное значение, смиряясь в рамке намеченной программы, они ведут массу за знаменем, не глядя ни вправо, ни влево. Их человеческая, простая привязанность дает гарантию той верности вождю, без которой дело могло бы принять превратное направление. Воспитание подобных примитивов характера требует большого терпения, но их внутренняя, скрытая живость и скрытые недюжинные способности, непробудно спящие, если на пути их не встретится деятельный дух, дают особую привлекательность такому ученическому материалу. Благодарные и преданные, хотя и отпадающие до времени совершеннолетия, они сами идут за вождем и ведут упорно и настойчиво и также терпеливо, как вели их. За ним. Таков именно Петр. И Петру сказано: «Что тебе до него, ты иди за Мной» «Любишь ли ты Меня больше других?» «Паси овец Моих»

Раскачиваясь, пошатываясь, засыпая, вопрошая, возражая, споря, восторгаясь и умиляясь, представляя свои доводы, отбегая от задачи, хватаясь вновь и вновь за земные дела, он мог бы разочаровать всякого человека, всякого педагога, всякого деятеля, всякого учителя, но не Учителя, но не Спасителя. Его интуитивные способности прозрения, Его бессознательный дар откровения дали Христу одну из немногих радостей Его земной жизни.

Такое чадо Божие, скитающееся в рассеянии по берегам Галилейского озера! Подобранный однажды и полюбивший Его более других, — он и получил этот вид апостольства идти за Ним, строить и лечь под построенное здание детей.

Мечтательный, созерцательный, по природе честолубивый, дающий себя любить, но не проявляющий конкурирующей любви, однако ранее любящего Петра увидавший Воскресшего Христа, — Иоанн получил другой вид апостольства, весь обращенный вперед, в будущее и в высь. Ждать пребывая, наблюдая, созерцая, вникая, вдумываясь, лоя, взлетая духом, паря на высоте и размышляя грандиозными и таинственными образами. Этот тип религиозного духовного футуризма, всегда точного, пророчески раскрывающегося и таящего в себе откровения неизреченные и понятные только сродникам его духа.

В этой нежной, до седых волос юношеской натуре нет стихийной, страстной, грубо-человеческой мощи и силы Петра. Просветленная, озаренная и возжженная Духом, она дает ростки утонченные и восходящие туда, откуда Господь грядет...

26 июня

Время наивной пастьбы в окаменелых стенах прошло. Паства в лучшем случае снисходительно относится к своим пастырям. И это не только в городах и среди интеллигенции, духовно рассеявшейся и распределившейся между социализмом и политикой, толстовством, йогизмом и теософией и пр. и пр. То же и в деревнях. Масса оттолкнута от Церкви, под которой ее приучили понимать высоконькое здание с колокольней, а которую у нас загоняет урядник и в которой стрижет «поп», и в которой его ухо привыкло сопрягать бремя своей рабочей жизни с молитвословиями за благочестивейших и самодержавнейших по именам и отчеству. Инстинктивно, интуитивно, духовно и откровенно в его душе разделяются

понятия и представления о Христе и о Церкви. Здоровая, народная душа более чем аристократические, интеллигентские и мещанские остатки души сохранила себя у ног Христа и в существе не соблзнилаь ни камнями, ни урядниками.

До революции, здесь в Бежецком уезде, крестьянин звал «попа» совершить молебствие по какому-то семейному поводу без провозглашения многолетия августейшим особам. Разумеется «поп» этого требования исполнить не мог и провозгласил. Не будет утолена жажда вечной, неземной правды и угодничества новым правителям, откуда бы они ни исходили — хотя бы из самых демократических недр. Жажда обучения и живого слова — вот что характеризует народную потребность в области религии сейчас. Знаю, то же на западе. Народы выросли, сознательно или бессознательно, из-под какого бы то ни было пасторства и паптерства. Историю не судят. Историю не поворачивают. К истории внимательны. И только в свое время ставят прогноз люди разумные, верные Живому Богу, который не останавливается, не оборачивается, а везде движется вперед...

Попытки реформированных попечительных организаций не долговечны, они имеют уже свою критику, свой скепсис, свое недоверие, свою осторожность по отношению к тем сокрытым центрам, которые пробуют заменить собою земной Иерусалим и диктовать спасение через своих агентов, вымуштрованных, дисциплинированных, но в основе носящих тот же нажим на волю, ту же диктатуру, с которыми не может примириться возносящаяся душа и свободный дух. Эти искусственные, самодельные, не рукоположенные Петры до чрезвычайности ограничены в районе своей деятельности и в составе послушной им паствы. Являя по временам в отдельных лицах, иногда в организованных кадрах изумительную силу христианского подвига, они страдают общим недостатком — притянутости, механичности, беспочвенности, отсутствием органического начала, связующего их с землей. Давая приют некоторым затерявшимся душам, принося самаритянское исцеление единичным язвам, они по самой сути своей, да и по первоначальному замыслу, не в силах разрешить духовно-социальной проблемы момента, томящей пророческую душу, не в силах утолить ту широкую демократическую жажду, которая ждет не кувшинов и не шлифованных сосудов, не фармацевтических водоносящих инструментов, которые привязывают к вашему рту, не влажных тряпочек, а... дождя, дождя, проливающегося, волны заливающей, водопада брызжущего, освежающего, волнующего полнотой влаги на вольном воздухе... При ярком солнечном свете, народ, ожидающий ведра, народ, глядящий вверх, не мигая, народ, имеющий право вольно стоять под своим Богом, на той земле, которая его родила, А не «цып-цып-цып».

Это — искусственное, основанное на слове, не на предании, «За Ним» Доброе, но очень маленькое, полезное для тех, кто через это прошел, но не разрешающее. Паллиатив, инсценировка, неверная уже потому, что игнорируя историю, претендуют восстановить и исправить начальное, начать сначала. Спустя 2 тысячи лет. Церковь ошиблась, пошла неправильно. Заставим ее пойти правильно. И все'равно — в миниатюре, очень хорошей и в сердце добросовестной и прекрасной, — те же Петры малого масштаба, микроскопически повторяющие грандиозное «велеlepное» дело Петра. Но точное — поближе к букве Нового Завета. С вариациями в сторону предания, вновь только что образовавшегося, от данной семьи-учредительницы, от новых отцов и учителей, с теми же, но маленькими чудесами, тайнами и авторитетами, с теми же анафематствованиями, увещаниями отказаться от образа мыслей и верований, запрещениями, взысканиями и наказаниями и... почти с той же туфлей одряхлевшего в Риме Петра.

Прошло время гомеопатической прикормки благодатью, прошло время ложек на столько-то грехов. В день, в неделю, в год. Регулярно и по поводу событий. По рецепту, с особого разрешения. В приглядку со стороны. По приводу урядника, по давлению начальства (у нас) по соображениям житейской необходимости, напр. желания вступить в законный брак. Магического, созерцательного. Все это привело расстроенное нравственное состояние и ищущую правды душу Льва Толсто-

го к кощунству неслыханному. И этот грех и эта хула на плоть Сына Человеческого всею своею тяжестью ложится не на обнаженную перед Богом седую голову созданный им певца и непримиримого с миром соперника, а на самодержавнейших и святейших, пробовавших его сперва убедить, а потом заставить думать, что все обстоит благополучно за широкими спинами архиереев и их деятельным полицейским сотрудником. И не наезжие малые Петры могли побороть упрямство этого великана, которому надо было понять, чтобы поверить и которого нельзя было одеть в детские штанишки. Грех и историческая неправда на тех, кто привел его к видимому столкновению с Христом Господом, не сумев устранить от него Петра и повернуть его сознание туда, где вечная связь его духа, духа вдохновенного творца и плодотворного учителя слова с Отцом Истины, от Которого плоды... Толстой стоял на переломе истории Церкви. Но Толстой не был призван быть нам апостолом «за Ним», ни пророком будущего, но пророчески отвергнуть мир и обмирщение и выразить правду об умирающем Петре и возжаждать нового. Заслуга и трагедия. Коса на камень.

И что же? Исторически верный, проникновенно-точный, библейски безукоризненный, соборно-православный и вселенски исчерпывающий пророческий ответ на все недоумения и неудовлетворенность был и есть.

Вот он:

И слово стало плотью и обитало с нами полное благодати и истины и мы видели славу Его...

И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать. ...благодать же и истина произошли через Иисуса Христа. (И. I, 14, 16, 17). Это говорит Иоанн, любимый ученик, ближе других сидевший, припадавший к Нему и имевший особую миссию, особое слово, особую позицию, особую, говорящую для художников, позу, с головой, обращенной не назад, не в прошлое, а вперед, и ввысь. Всегда ввысь, но от земли, по которой он ступал с Учителем легкими стопами.

Полно, полно торговаться благодатью. Не Симон Ионин, а Симон Волхв.

Бывшее и Сущее стало. Обитало. Видели. Приняли. Все. Мы. Произошли. Благодать на благодать. Будете ли вы отрицать действительную силу до настоящего времени иерусалимских событий? Раздачи Тела Его принятий, Его передачи, чистого и благоговеющего вкушения Его веками и поколениями. Думаете ли вы, что это фактор малозначительный. Трепет в алтарях, безумная масса, как разбойник со страхом и верою приступающая. «Святая святым.» Думаете ли вы, что мы ничего не приняли? Еще не приняли? Почему вы еще не приняли? Все это в вашем теле. Все это в вашем «подсознательном я». Может быть вы просто не подумали и не поняли. Что вы уже христианин и что все это произошло от Иисуса Христа. И что благодать в вас и что вам надо только... обратиться... ретроспективный взгляд, и потом вперед. Мы приняли, мы возвращены в христианстве, мы христиане, не ходите и не кидайтесь. Совершилось. Учениями чуждыми не увлекайтесь. Пользуясь плодами не отвергайте дерева, с которого вы их сорвали. Ваш социализм утонул. Но попытка ли это по-своему распорядиться дарами благодатной вселенской любви, которые даны Им, Человеколюбцем? Вы кидаетесь в Иогизм, но «погружаясь», не забывайте, что в вас тело, которое живет. Таинственные, мистические, несравненно более вдохновенные, возвышенные и потрясающие душу переживания ваших отцов и матерей и ваши собственные, когда вы были юнее и лучше, они сделали свое дело. И вы не то, за что себя принимаете. Оставайтесь одни и вдумайтесь. Если вы носите в своем теле все наследственные болезни, последствия образа жизни, привычек и даже иллюзий и фантазий, каких-нибудь испугов и потрясений, суеверий и пр. ваших предков, то неужели вы думаете, что та благодатная сила, которая верою воспринималась, обличая невидимые вещи, как духовный свет, как целомудренное соприкосновение, как горное восхождение, как подъем на кончики ног, как растворение себя во всем, как растворение в себе Единого и Всего — это прошло даром? Нет, вы связаны с прошлым. История человечества

есть ваша биография. Моя генеалогия действительна для меня так, как действительно для человечества все то, что в предках и отцах и в нас воспринималось через людей от Иисуса Христа, что от Него произошло. Это живо в нас, это действует и бессознательно отражается в нашем поведении, в поведении народов, в росте человечества и сейчас, когда видимость может потушить всякую веру. И сейчас убийство и война всех против всех. Грандиозное самоистязание распятого Христа. Тело Господа, Тело Агнца раздирается, доколе Он не воскреснет Духом. Петр умер. Христос жив.

Что произошло, то произошло от Него и Им, и для Него. Ни для кого другого.

Иоанн констатировал и Иоанн зовет к Нему же вновь, новыми словами, новыми понятиями, новым способом мышления, новым вдохновением: «Собирать» можно различно. Один способ «собирания» Петра, другой способ собирания Иоанна.

Юный Иоанн, юный до пришествия Его подымает голову и не пася, не разделяя сам плоти Сына Человеческого, но взирая, сознавая, совсем, совсем сознательно, прозорливо и проникновенно, глядя в отверстие для вас небо, ожидает. Ожидаем и мы. Чего? Царства Духа. Духа Святого, Который должен сойти и Который должен заговорить иными, новыми языками в подготовленном благодатью Господа Нашего Иисуса Христа человечестве.

Благодать Его плоти свое дело сделала... Души готовы. Один удар, один толчок, одно слово о Слове — и сознание просыпается; детская пища, не удовлетворявшая многих, манная каша, вызывающая у вас кошунственную, — если бы вы понимали, разумели и сознавали все, гримасу, заменяется новой едой от той же Плоти, от Того же Духа, от Того же Слова, по воле Того же Отца, сотворившего небо и землю и творящего все новое. И прежде всего из вас.

Не путем единоличных спасений, не путем индивидуалистическим мы должны идти. Мы, родившиеся в восточной Церкви, и имеющие учение и предание Свободы в Единстве, искажаемое невежественным официальным представительством, церковным авторитетом соборно осознаем новое время, новую эпоху, новую эру в жизни христианских народов. И в ожидании грядущей встречи Соборно крещаемся Духом Святого и по слову Его.

Узнаем Единого Пастыря и к Нему идем, как взрослые, как достигающие совершеннолетия.

Время христианского просвещения, а не воспитания и дрессировки, палочных загонов и детской приманки. Человеческая мысль шагнула слишком далеко. Не указать разумный смысл, сокрытый в Личности Иисуса Христа, это значит убить человечество и народы.

Сознание разумного смысла — это не «рационализм», а жизненная правда умения и победы Христа. Сближение Евангелия и жизни, христианский аспект на современность, на момент и на будущее и указание связи Бога с минутой, с человеком, с народом!

Раскрытие Слова, не наивное запоминание текстов и их повторение, но цельное христианское мировоззрение. Свобода в смысле приемов привлечения, деятельность, обнаруживающая дух, отзывчивость с этой точки зрения, протрезвление от прошлого, от всяких аскетизмов и поклонений старцам, достаточно уже скомпрометировавшим наше зная, бездеятельным, слабосильным и живущим одними слухами о них, о ком-то, где-то, без живого проявления в действительности, когда все действуют, когда все говорят. И когда разумность молчания должна быть явлена и показана. Как разумность молчания Христа перед площадью и перед толпой и перед обвинителями.

Максимум требовательности, заключенный в Евангелии и в жизни Христа должен быть предъявлен тем, кто не удовлетворяется никакой программой и в своем масштабе доходит до извращения человеческой природы и Божией правды.

Это все в христианском идеализме, существование которого сокрыто от непросвещенных народов масс, верующих вопреки всем очевидностям, вопреки убивающему веру реализму и материализму преемников Петра.

Христианское мировоззрение, объединяющее ту разбросанную храмину, которую представляет собою голова интеллигента всех классов и состояний, включая профессоров, часто лишь тупо ученых, по-бабьи суеверных и суесловных, как никто.

Цельность образа мыслей нравственного развития и общественной деятельности. Христианская личность и христианский дух. Это единственное, что может вернуть к вам уважение со стороны народных масс, которым вы не показали Сына Человеческого, и который вправе видеть в вас в вашем нынешнем состоянии, только буржуев, а не людей.

Не я говорю, но Вечное Слово, Которое достаточно сильно для того, чтобы смести с лица земли нашу фарисейскую добродетель и порядочность и образованность.

Упразднение титула «Превосходительство» еще не достаточно устранило в нас сознание нашего превосходства. Так посмотрите на путь превосходнейший.

Я езу и вижу и народ, отбирающий земли, и помещиков, загоняющих крестьянский скот. Эти не лучше. Они много слышали и знают. И много будут биты. Не мужиками, нет. Я знаю кем. Безобразная духовная лень побуждает их, прикрываясь иногда благочестием и даже Евангелием, творить на глазах революционно настроенного и творящего свой самочинный раздел, народа, такое распутство, такое позорное всегда, а в особенности в дни мировой и отечественной катастрофы якшание, такую скупость и жадность, которые способны убить доверие к какой бы то ни было культуре, образованности и цивилизации.

Ложь и обман и лицемерие и откровенная — подлость. И разделка за это ждет вас.

Я впервые окунулся в деревню, в русскую деревню и я вижу.

И все потому, что вы имеете все, но не имеете Просвещения.

Это-то просвещение и ждет теперь тех, кто способен просвещаться, кто способен открыть глаза.

Вы перед катастрофой, еще не слыханной, и теперь, после всего, что было, «Рука Его еще простерта»

Ко тьма не объяла света.

Этот Свет просвещает всякого человека, проходящего в мир.

И к этому Свету тянется, тянется народная душа, способная и забыть и отложить всякое житейское попечение. И простить тех, кто мало прощает, но капризно ропщет. На кого? Что вы имеете, чего бы не получили? А если получили, то что же вы ведете себя так, точно не получили?

«Время откровения, время широкого массового профетизма, время, когда все будут научены Богом, время, когда изольется Дух Божий и на рабов и на рабынь. Время, когда каждый скажет: я не пророк, я земледелец, потому что некто сделал меня рабом от детства моего.» (Зах. 13, 5)

«Ему скажут: отчего же на руках у тебя рубцы? И он ответит: оттого, что меня били в доме любящих меня.» (Зах. 13, 6)

«О, меч, подымись на пастыря моего и на ближнего моего, говорит Господь сил.» (13, 7)

Время, когда, оставив каменное на каменном и ожидая, когда камня не останется на камне, стоя на камне и пия из духовного Камня, народ массою будет глотать слова жизни, пробуждающие дух. Время слышания и произнесения слов Господних.

Ко Христу, о Церковь Христа. Петр, отойди и дай говорить Иоанну. Ты свое сделал. Мы вкусили, что благ Господь. Мы возродились от твоего слова.

Походите по лазаретам и в народе. Прислушайтесь, какое Евангелие имеет наибольший спрос? Иоанна.

В силу времени. В силу наступающей зрелости. Знамение времени.

Петр размножился. Он во многих. Его сила в нас действует. Его дух лежит в характере христианина, как черта противоборства, устойчивости, производящая на посторонних впечатление неуживчивости, исключительности и упрямства. Люди, принявшие Христа — живая могила живого Петра в степном ковчеге, в то время, как саны и титулы и декорации и духовные звания всех оттенков — только пышный саркофаг или простой монумент над его прахом, гроб поваленный. Это фикция благодати Христа в нас. Мы — камни. Как ты этого хотел Духом. Ты построил прочное основание. Эти камни есть. И если кто-либо обидится за написанные строки, то Камни возопиют, что здесь говорит живой Господь. Любящие его не отвернутся и поймут, что это пишется Его кровью. Его Кровью, Которая крестит ныне народы. Его кровь, кровь освящения и святости, мы различаем в морях крови, проливаемой рукой князя сего мира.

И эта кровь свидетельствует на земле. Не водою только, не духом только, но и кровию пришел Иисус Христос. (И. 5, 8) Эта кровь течет в нас. И этой кровью крещаемся ныне до исполнения Духом.

«Без пролития крови не бывает прощения грехов.» И он пролил свою кровь для этого. «На крови мучеников стоит Церковь.» И Петр пролил свою кровь.

Эта кровь — течение, соединяющее в себе обоих — апостола-пастыря и апостола-пророка, апостола следования и апостола просвещения, апостола прошлого и апостола будущего, апостола любящего и апостола любимого, апостола, умершего за Него и умирающего перед Ним, старого и молодого, здорового и пре красного...

Две звезды из числа двенадцати, горящих на голове той женщины, которая в муках и болях рождает младенца.

Кровь, кровь, кровь.

Страдание того, кто лежит и на ком строится несокрушимая твердыня веры и любви. Смерть в воскресение. Страдание того, кто ждет других и привязывает новый дух в других. Страдание той, которая рождает новое тело, живое.

«Они победили его Кровью Агнца и словом свидетельства своего...»

«Смерть, где твое жало, ад, где твоя победа?»

Петр, невидимый Петр в крови. А вы, ваши многочисленные святейшества и святейшие коллегии, воссевшие на седалище Петра, превзошедшие святость «смиренно» исповедуемого вами Бога в превосходной степени, вы, заслоняющие от народов Христа Господа, явите народу силу вашей святости. Оправдайтесь делами вашими, ибо вы исповедуете, что спасение в делах. Полно вам, патриарх, засевший в Иерусалиме, расстригивать через русского собрата, афонских монахов, полно вам патриарх Константинопольский, отлучать Константина, полно тебе, Римский Первосвященник, заживо погребенный, гнуть вправо и влево, полно тебе, Патриарх и Католикос всех армян, духовно дремать и сумерничать над ямой Григория Просветителя. «Симон, ты спишь? Не мог ты бодрствовать один час?» Вот Сатана в образе «Зигфрида» великого реформиста и проповедника, сталью окованный бич Божий идет на вас.

Он оправдывается верою — это его догмат...

В христианской личности, в христианском Обществе.

Ныне и присно, и во веки веков.

И всюду.

Строки, которые вы читаете, не беллетристика, не праздное философствование, не богословская теория. Не только изучение Писаний, не только скрытые от тебя годы моего проповедничества, но жизнь в жизни, глубокая и интимная связь с жизнью. Она диктует. Она говорит. Бог в жизни. Бог конкретный и живой. Жизнь человека — не пошлость и суеверие. В углу нет некоего в сером. Воспринимаемая любовью и совестью и душою — жизнь — это кровь, источающая по каплям, и целыми морями одно — святость. И святость не серая, а белая. Жизнь — бело-красная радостная в скорби. Женщина, когда рождает, терпит скорбь, по-

тому что пришел час ее, но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мире.

Надо жить в жизни, поднимаясь и возвышаясь над нею — до Жизни в полноте Духа. Именно в жизни, оставаясь в жизни и освящая ее Его Духом, который Он дает безмерно — ищущим.

Вы можете уйти в пустыню и унести с собою пошлость вашей жизни. Вы можете стоять в жизни — и она большая пустыня — и внутренне освящаться. Красота и сила Книги Жизни — Библии именно в том, что здесь все в жизни. Остаются во всем, отделяясь, и освящаясь от всего. Читайте эту книгу, страницу за страницей — и вы видите путь медленного и верного роста святости в жизни. Святость, бегущая от жизни, обращается в фарисейство, святошество и ханжество, жизнь, лишенная святости Духа, один блуд, один грех, одна скука и пустота, — она — мертва. Святость достигается именно в недрах жизни. Жизнь постигается именно на высотах святости.

«Жив Господь.»

«Свят, свят, свят.»

Время Петров — пустынников, отшельников и пр. прошло. Те, которые говорят: что там христианизация жизни, вот: пустыня, аскетизм. Сами не пойдут. В монастырях теперь там ничего нет. Иначе что-нибудь да было бы. А — ничего нет. Либо праздность, либо болезнь духа.

Потеряв равновесие и расстроившись вследствие ли дурной жизни или жизненной катастрофы, человек кидается в монастырь, постригается, а потом — опять в гусары.

Для нашего времени и для этих случаев нужны духовные санатории, доступные и действительно поставленные «на верху горы». Наполненные живыми людьми, живой веры — для отдыха тех, кто Евангелие называет «братьями нашими в мире».

И однако есть ступени достижений. Канонизация святых, если знать их психику, это м.б. то, что более всего огорчило бы их. Официальные церемонии. В действительности святых и больше и может быть меньше. Поклоняться им грешно. Почитать их нужно и нельзя не почитать. Как бы масса человеческая ни была одухотворена, в ней останутся избранники и светочи. Святой любви и правды. Достигающие. Подвижники жизни, носящие очевидную для всех печать Бога живого. И чем ближе человек к Богу, тем глубже и полнее он будет чтить этих вестников Духа. Дух освященной Христократии не похож на светский дух демократии. Это — не русская анархия, но и не Меркуриев жезл американского президента. Но жезл Агнца. И одухотворенная Христом и окутанная пеленками демократия — всегда будет чтить и значительные для нее дарования и таланты и исключительную святость жизни некоторых.

Сам Дух свидетельствует духу личности и духу народа. Только слепота может закрывать глаза на Серафима, стоящего на камне, в период Великой Французской Революции, на Франциска бодрствующего, на Василия Блаженного, кормящего мясом в великий пост «демократического» и грозного для бояр (только ли?) Иоанна.

Бесчисленные мученики, выдерживавшие на своей груди тяжесть татарского ига. Святая Тереза, внутренне крещеная Крестом Христра Святая Елизавета Тюрингенская, выдержавшая на своем когда-то изнеженном теле приемы дисциплины Zuchtmeister'a «Петра» — до конца кроткая, до конца смиренная и любящая, до конца святая, и в вечность — во Христе.

Разве я могу сказать, что для меня ничего не сделал Григорий, просветивший Армению и призвавший ее ко Христу. Весть о спасении принесенная им моим предкам и хранимая до моих дней — это ничего? Его пятнадцатилетнее мученичество в яме — это ничего? Его смирение: благовестника и отказ самому крестить и обращение к Иерусалимской Общине — это не урок живой жизни? Это не образ веры? Я отличаю эти живые явления Бога от мертвых канонов и катихизисов и пр. Так надлежит нам «исполнить всю правду» и смириться перед предшественниками в вере, перед светильниками Христа, а не святителями Сана.

А 33 пришедшие из Рима девы и в тот же период там замученные — они не святые Богу?

Мы будем ценить и чтить прошлое, мы будем чтить эту традицию, традицию святых. Дивные образы. Дети Божий. Но мы будем внимательны и к настоящему. Мы будем замечать святых, ходящих между нами и совершенно независимых, от каких бы то ни было Zuchtmeister'a. И нам не нужно для того, чтобы жить по Евангелию, ездить в Рим или в какой-либо другой город, за разрешением, как это должен был делать Франциск. И делал сознательно.

Пусть суесловы, суеверы и суестрахи шипят и снуют вокруг и оплакивают сами не зная что. Есть тип людей, очень тяжелых и совершенно праздных в Церкви. Не зная ничего, ничего сами не пережив, они взяли на себя особый подвиг. Добровольно, никем не понуждаемые, они суются всюду и что-то защищают. Они вечно опасаются, что «православие» погибнет и идут шушукаться с митрополитами и их подзуживают спасти православие от сектантства. Они о чем-то спорят, в чем-то убеждают, болтают...

Это прозелиты. Иногда это прозелиты из других исповеданий. Это хуже всего.

Пойдем мимо. Пусть они трепыхаются и спорят о вероисповеданиях и способах Богочитания. Самых правильных, самых традиционных или самых протестантских. Мы же будем говорить о Живом Боге, потому что живем, чтоб понимать и хотим понять, чтобы жить и знать, как жить.

Нет той степени реформации, которая могла бы удовлетворить автора этой книги. Все эти переодевания — только маскарад. Из одной маски в другую. Из одного костюма в другой. К старым догматам еще новый догмат.

Речь идет о христианской зрелости и о христианской возмужалости. О типе человека. О новом человеке, созданном по Богу. О новой твари.

Ни открытая, ни замаскированная реформация — не ответ. Потому что нужна реформация самой реформации. Иначе не было бы того, что есть, и было бы не то, что есть.

Нужен переворот для всех людей — ортодоксальных и реформированных.

И нужно преображение Церкви Христа, подобное славному Его преображению. Оно идет, как органический процесс, и оно явится. Это преображение предполагает полную свободу и победное состояние в человеке действенного живого духа, а в свою очередь это выковывается жизнью. Освобожденный и побеждающий дух преображает и внешний облик человека и просветляет его очевидным для внимательных образом. Сияние, свет и белизна... Не единоличного спасения мы ждем, мы, восток, слишком крепко и цепко связаны друг с другом и не хотим отделяться. Он отделит в свое время, что и где нужно. Мы же идем в мире и жаждем спасения все-народного. Чтобы все были научены Богом.

Жалости и улыбки достойна такая суэта. Человека возвестили о том, что Христос, Сын Бога Живого, совершил на кресте спасение мира и всех людей и призвал к покаянию. Покаялся. Это хорошо. Потом однако отобрали от него подписку в том, что он «принял Христа, как личного своего Спасителя, принял им и будет впредь руководствоваться только Духом Божиим».

Нам нет другого исхода, кроме непосредственной, интимной, внутренней, может быть, скрытой от всех взоров связи со Христом Господом. Нет сомнения в том, что каждый наш грех — лишний гвоздь в Его Тело на Кресте и в нас самих. Нет сомнения в том, что никогда и никого, если человек по совести и искренно обращается к Нему, Он прощает, потому что пришел не судить мир, но спасти мир.

И это — наше дело с Ним. Кто же в праве отбирать от нас подписки в нашей вере? Когда и от какого грешника или ученика отбирал Иисус подписки? Или Его ученики, от кого отбирали?

Это — не жизнь, а нотариальная контора. Свободного и по духу тяготеющего к жизни ждет Он от нас влечения, добровольного послушания и подчинения Воле Отца. А если подписка, то уже не добровольно, а на основании обязательства, по контракту, по статуту, по закону. Где же благодать? Что я, наемник? И как я дам

подписку в том, что я буду руководствоваться Духом, если... Дух не захочет везть в мою сторону? Это — реформа? Нет, это не свобода, а давление на Духа.

После этого на человека одевают шапку «армии спасения» и... направляют в этом наряде, обязательном к ношению, на обедню. Бедный «рекрут» наивно и традиционно подходит ко кресту. Митрофорный воин говорит: «Ты что, сектантка?» — «Нет, батюшка, иначе я бы не пришла в церковь...»

— «Ну, так сними эту шапку. Иначе не допущу ко кресту...»

Друзья, жизнью не шутят, душой не играют. Свидетельства о Христе не обращают в петушинный бой. Эти символы и эти верования не ваши, а Божии.

«Шлем спасения» — это свобода от всяких вещей. От Креста ни один поп не в праве отгонять. Уходи, батюшка, вслед за Победоносцевым. Уходи, ты не на своем месте.

И ты, милая, уходи на вольную Божью волю. И служи Богу там, где тебя ставит жизнь. В этой жизни — Он.

Есть иной путь спасения. Есть иной вид пастырства, есть иной способ обращения с человеком, и его обращения. Вот, из жизни образ микрокосмического Петра. В малом виде, в личной жизни. Каков образ великого Петра в великой жизни всей вселенской Церкви.

Петр — умирающий для спасения и свободы.

Петр, умерший для моего спасения и моей свободы.

В моем микрокосме. В моей личной жизни. В моем опыте, которым я доверительно делюсь с тобою, верный читатель, для обогащения твоего опыта.

Смерть дает право говорить о святости человека. В этом глубокая правда Церкви.

Друг без друга мы жить не можем. Жизнь и смерть каждого из нас нужны в органическом целом, которое в наших душах. Эти души, собранные вокруг Его имени и спаянные взаимным признанием и свободным, вольным братством — Его Церковь, вселенская Церковь, обнимающая от Востока до Запада весь человеческий мир. Не самодовлеющая, автократическая организация, а живой организм, видимый внутренним глазом, слышимый внутренним ухом. При освещении простой веры во Христе, при содействии духа.

Чего мы хотим? Одного. Человек, соединенный и примиренный со своим Богом. Народ, послушный своему Богу. Это все. А это свобода и самостоятельность. Это — Христос. Его — цель и Его дело.

Истина и Путь.

Хотите знать, как все это пойдет в России? Пойдет и должно пойти? Естественно, закономерно и правильно.

Хотя, как будто бы и революционно. Но ведь всякое рождение — переворот. Всякое возрождение — тем более переворот. И тем не менее органический. Без разрыва с историей, без анархии, без развала и без кошунства. Религиозное сознание русского народа в данное время я бы сравнил с эмбрионом, который живет таинственной жизнью, скрытой от глаз любящих и не любящих. Даже матери. Эта благодарная жизнь, исполненная таинства, подчас поддерживаемая искусственно. Но он дрыгает ножками и толкается.

«Не сокрыты были от Тебя кости мои, когда я созидаем был в тайне, образуем был в глубине утробы.» (Пс. 138, 4)

Наступит минута, когда младенец скажет: «Славлю Тебя, потому что я дивно устроен. Дивны дела Твои, и душа моя вполне сознает это.» (Пс. 138, 4)

Как же произойдет это пробуждение сознания? Кто его сделает? Кто создаст эту полноту сознания в соборном теле русского народа? Дух Христа.

Дух пробуждающий. Дух возрождающий и говорящий в людях, Ему повинующихся. Этого Духа Бог дает не мерою. Этого Духа Отец дает просящим корма своим детям.

Эти рожденные духом дети сделают. Знающие волю Отца, любящие Иисуса Господа, послушные Духу, связанные с родной землей и имеющие тот духовный, насквозь идеалистический патриотизм любви к родной земле, которым горел Пастырь Израиля. Спаситель всех народов.

В Восточной Церкви будет два живых течения. Они уже намечаются. Они не должны конкурировать. Но восполнять друг друга. Свобода и единство характеризуют дух, а не прошлую практику и учение Восточной Церкви. И это единство духа и эта свобода духа, сберегавшаяся учителями этой Церкви, ныне восторжествуют в своем послушании Духу.

Я не говорю о мертвых Съездах духовенства и мирян, избирательных кампаниях и проч. Я не говорю также об извращенстве и политиканстве. Может быть, они и будут — эти извращения — это меня не интересует. Я говорю о великом религиозном движении.

Первое течение получает свое освещение и освящение в 16 главе Евангелия Луки, в причте о догадливом управителе, так мало понимаемой и так мало оцененной. Она произнесена благими устами для наших дней. Об этом ниже.

Это обратившийся Петр. Сам показавшийся и нашедший исхода Петр. Петр сознавший неизбежность своей смерти, оценивший страдания Христовы, Петр, по своему служивший Ему же. Петр, завершающий свое дело.

Второе — отчетливо характеризуется и благословляется первыми главами откровения. Это целиком дело Иоанна.

То и другое отмечено быстротой, ускоренностью темпа. Спешной подготовкой Встречи.

На очереди разумная ликвидация прошлого. Послушная Слову фундаментировка будущего. Но прежде всего то и другое движения, говоря по-человечески, самочинные. Им будет предшествовать разрыв с Центром. Произойдет децентрализация русской церкви. То же полагаю будет и в других поместных Церквах. Децентрализация до приходов включительно. И кипучая работа внутри приходов.

Затем, с внешней стороны, освобождение от всех государственных и гражданско-правовых элементов — метрик и пр. Не захотят ничего этого — очень вскоре. В Комитеты, в Комиссариаты — куда хотите.

А Церковь, которая есть плоть и дух Небесного Царства, объемлет нас, потому что мы сыны и дочери этого Царства. Церковь станет кафедрой, одухотворяющей и осмысливающей жизнь человечества. Церковь — трибуна, возглашающая: «Поклонитесь Богу»

Церковь — Собор славословящих Бога и Агнца и забывших земли, волов и браки. Кафедра умирающего за Ним Петра. Кафедра пребывающего перед Ним Иоанна. Уходящего и приходящего. Пастыря и Пророка, уготовляющих святых. Живая и вечная благая весть Доброго Пастыря, до конца возлюбившего свое стадо. Живая и вечная благая весть Духа, говорящего через Ангела Церкви.

Одно движение пресвитерианского характера. Часть пресвитеров, оторвавшись от центра и забыв об Обер-Прокуроре и об Евангелии палки, забыв архиерея, коленапоклоняющего перед собою пресвитеров церкви, пастырей и священников, по их же пониманию, обратятся, покаются и сотворят то, к чему назначены апостольскими рукоположениями. Они внимательно прочтут Послание к Тимофею и увидят, что был наставлен Павлом, Тимофей сохраняет однако живую и непосредственную связь с Духом и с Писанием.

Он самостоятелен и независим и не обязан слушаться Павла, но повиноваться Живому Господу. (Они уразумеют написанное в 16 главе Луки.)

Это тот момент Пятидесятницы, когда Петр понял все, по душе согласился идти даже до страдания за Ним, духовно прозрел, до конца принял Духа, сходящего на него в его немощи и встал. Перестал лежать говорить: «хорошо нам здесь быть»; оказался в состоянии впустить в себя Того, Кто был на трех явившихся ему личностях, которым он прежде мог только предлагать построить три кущи. Сам уподобился. Сам вошел в их среду. Присоединился. И куща ему оказалась

не нужна. Он сам — куша, в которой горит огонь Духа Святого. Он сам сознает, что должен низводить огонь с неба. Он сам сознает, что крещением должен креститься, и уже томится, пока оно совершится. Не таинственным, вещественным крещением Иоанн-Елисея, к которому он в свое время ходил, не таким же таинственным крещением, которым сам крестил прежде народ, а Иисус не крестил. Нет, он сам преображается духом и образом и телом. Слышит голос: «Где я, там и слуга Мой будет» Сам делается сопричастником Божеского Естества — Духа. Сам обращается в величайшее таинство. Таинство огня. Ибо Бог наш есть огоньпоедающий. Преобразился. Преображение стихий. Вода — в слово. Страстный темперамент — в огонь, зажигающий души. Рыбки, которых ловил прежде, обратились в воскресшие души. Мир, прежде состоящий для него из воды и утверждавшийся водою же, стал утверждаться огнем. В его глазах не потоп стал страшен для человечества, а огонь; разгоревшиеся стихии разрушатся. Земля и все дела ее сгорят.

Крещенный водою, крестился Духом. Тайное Единокрещение детства становится сознанным, осмысленным и действенным в его духе и теле, явным крещением. Слышанное на ухо будет сказано с кровли. «Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным.» У Бога не останется бессильным ни одно слово. Слово стало плотью. Человек стал способен осуществить свое назначение, свое призвание, свою миссию, исполнить свой долг, вложить свою натуру в Колею Вечного замысла. Из тяжелого багажа человеческой жизни обратился в локомотив двигающий и ведущий. Слава Богу. Совершилось, Петр не будет теперь ожидать, пока камни возопиют, не будет ссылаться на то, что камни храма с рисунками — это и есть Евангелие в Церкви, Петр знает, что он — Камень, и не будет молчать. Если он замолчит, камни возопиют, из этих камней Бог сотворит детей Божих. Но он не может не говорить о виденном и слышанном. Кого слушаться: Бога или людей? Судите сами. Вы или подобные вам, которые меня разопнете, я камень, но я живой, и меня можно замучить.

Монахини, полно вам быть в послушании у людей, вставайте, идите в живую Церковь; благовествуйте о Христе. Если ничего другого не можете, умывайте ноги святым, которые здесь, в жизни, где стоял Петр, а не в ваших загородках, где вы без конца и безнадежно искушаетесь сатаной в вашем темпераменте и в голосе вашей плоти.

Пятидесятница, а не пятисотница — служение, угодное Богу. Вы будете сконфужены вашими предками, когда Он придет. Он не прятался в пустыне, а только сознал и выбирал истинный путь Божий. Довольно вы питались в пустыне манной. Крещаетесь ныне кровью, живую кровью Христа, пролитой для того, чтобы сделать ваши тела пригодными на что-нибудь, кроме заключения в арестантские роты. Вы сами, милые сестры, монастырь. Вы монастырь. Вы сами воплотите в себе идею и дух единоборчества для Бога. Монастырь обмирщен. Монастырьте мир. Оставьте мертвых. Славьте Живого и в телах и в душах ваших. Преобразитесь. Черные и белые одеяния ваши обратите внутрь себя. Чернота ваших грехопадений уже убелена кровью Агнца. Полно вы каялись. Покайтесь, наконец, и встаньте лицом к Нему, Крест ваш пусть войдет в сердце ваше и, согласные умереть за Него, идите в открытую брань со львом рыкающим. В худшем случае вас растерзает толпа. Разве это не лучше, чем вечно терзаться бездействием души? Оставьте матушку-игуменью со всем ее хозяйством доканчивать земные счеты и дела. Возлюбите чистое словесное молоко и приступите к нему сами, как камни живые. Полно пасти себя самих. Пасите стадо Божие. Мы здесь не во тьме. Свет во тьме светит, и тьма не объяла Его. Выходите на свет, на гору поставьте ваши светильники. На горе просветлели и тело и одеяние Христа. Бог донныне сокровенный, является в нас. Богоявление. Дети, возлюбленные. Христос внутри вас, не ищите и не бегайте и не прячьтесь от сатаны, но противостойте ему твердою верою.

Идите и говорите одно: Жив Господь. Идет. Дни лукавы. А время близко. Не теряйте его на поклоны — признак пустосвятства. Делайте что-нибудь для

Грядущего. Сам вас научит, что и как делать. Только... полюбите Христа искренно и как близкого, очень близкого, внутри вас живущего. Обратитесь. Уверуйте в Него в нас. Вы смущены вашей греховностью. Вы замаливаете ваши грехи. Милые сестры, вы их замолены не можете. Какой выкуп вы можете дать за душу свою? Ваши грехи замолены. Уже замолены и покрыты кровью Агнца. Сатана просил сеять вас, как пшеницу, но Он молился за вас, да не оскудеет вера ваша. И вы, обратившись, утверждайте братьев ваших. Слушайте, слушайте, что говорит Петр: ...Крещение — обещание Богу доброй совести — спасает воскресением Иисуса Христа. Обещайте же вы, крещеные; добрую совесть и веруйте в Воскресшего. Это СПАСАЕТ. Слово Петра.

И далее: тот же Петр учит вас, что делать с накапливающимися новыми грехами:

«Как Христос пострадал за нас плотью, так и вы вооружитесь тою же мыслью; ибо страдающий плотью перестает грешить». (I П. 4, 1)

Идите в жизнь. Страдать за Христа. Любовь покрывает множество грехов. Любите.

Служите друг другу каждый тем даром, который получил, как добрые домостроители многообразной благодати Божией.

Я не верю в вашу совершенную бездарность. Смотрите. Чтобы вам не оказаться рабом неверным и лукавым, запрягавшим мечту.

Кому мне верить? Вам или Христу? Даже, когда дело идет о вас самих.

Милые сестры, я не иду в монастыри. И не я буду их разрушать. Я ничего не трону. Но — это история христианства. А не современное христианство.

Столпничество — не есть современное воплощение христианской идеи. В вас, в нас накопилось то, что должно было накопиться. Это — благодать. Теперь плоды. Вам показалось бы совершенным извращением христианства, если бы вас подвергли пытке по обвинению в колдовстве и потом сожгли. А ведь это было. И в каком количестве! И как искренно! Поверьте, что Торквемада, предавший сожжению 10000 ведьм в одной Испании, был искренен и думал, что угождает Христу и следует... Петру, был уверен, что «надзирает за стадом непринужденно, но охотно, не для гнусной корысти, но из усердия». (I П. 5, 2)

Не менее искренни были те, кто со всем этим так же, как с истязанием еретиков, вел борьбу. Истина оказалась на стороне нового слова, хотя и не нового, потому что в Евангелии — все ясно.

Возрастайте в благодати и познании Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа.

Петр, предрекавший и побуждавший и звавший страдать за Христа, Сам никого не заставил страдать. В крохотном первом его послании мысль о страдании и страданиях варьируется до 10 раз и все вращается вокруг его мысли. Но нет палки и нет наружной дисциплины, принудительной. Есть доверие к человеку и к его доброй воле идти за Христом. А послушание для Него — это избрание, мы «избраны быть послушными Кому? Послушанием Истине». Для чего это послушание? Для очищения души. Но это очищение души имеет цель. Братолюбие и постоянство в любви.

Цель ее не монастырская, а жизненная, не мертвая, страха ради. А живая.

Народ крещеный, народ прощенный, народ очищенный от прежних твоих грехов, народ, сделавшийся через апостольское предание причастником Божеского естества.

Когда же ты поймешь, что не скифские каменные бабы открывают тебе свободный вход в вечное Царство, а то, что ты сам в себе построишь на Истинном Камне — познаний Иисуса Христа в жизни.

Доколь твои «неутвержденные души» будут прельщать отвергающиеся от испувшего их Господа?

Бесхарактерность русского народа — это то, чем пользуется в его жизни противник его души. Антихрист с окаменелым сердцем.

Бесхарактерность русского народа — это то, что кидает его в руки антихристов — от антипода Петра — царя Петра — до каменного хлебодача наших дней — большевизма.

Бесхарактерность русского народа питала его пьянство и неряшливость.

Она, именно она создавала ложное о нем впечатление в глазах наезжих английских, немецких, американских просветителей.

Отсюда — с одной стороны поклеп на эту живую, но не твердую душу, отсюда — и самообман тех, кто «обещают ему свободу, будучи сами рабы тления». (I П. 2, 19)

Но живой, хотя и смиряющийся в своем «отсутствии» Петр «никогда не перестанет напоминать» в своем живом Евангелии, которое еще пройдет по русской земле не как по языческой, а как по причастной благодати Господа нашего Иисуса Христа.

Как напоминание о крещеной земле,

Как напоминание о крещеной воле,

Ты сам будешь крещеным камнем.

Петром во Святом Духе.

Покорным живому слову, которое ты услышишь.

А наезжие будут изумлены тем, что ты имеешь и чего нет у них...

Хочешь проповедовать? Ложись в ясли того народа, к которому ты сознаешь себя посланным.

Четверть — часовое слово о Христе вызывает в этом народе восклицания: «Нет в нас никакой святости». Ему не нужно жевать, что такое грех. Понятие греха. Упоминание о страданиях Христа за грехи наши вызывает какое-то глотание, явное ощущение насыщения горним. Ему не нужно графически, арифметически, бухгалтерски и юридически объяснять понятие искупления. Оно заложено в его душе и в ней живо, и на него откликается и им дышит здесь, на этой земле человек.

Русский народ — это Мария Магдалина. Картина, изображающая эту многолюбящую должника, в слезах и в расстройстве чувств — над черепом нелепа по замыслу, психологически невежественна и обнаруживает полное непонимание Евангельских событий — она отражает только дух своего времени.

Она уже вся в слезах приходила к Нему, Живому, прикасалась к Его благодатному телу и распущенными волосами своими утирала Его ноги, облитые ее же слезами. Она услышала о прощении. Она услышала о признании ценности за ее любовь. Она ушла обновленная Его прощением. Она стояла и смотрела, как Он умирал, истязуемый за ее грехи. Она Его своими руками пеленала. Она была в отчаянии, когда не нашла Его среди камней. «Унесли Господа моего и не знаю, где положили Его.» И вдруг: «Мария.» Воскрес. Вновь к ногам Его. Не прикасайся, еще не восшел. Восхожу. Возвести. Первая Евангелистка о воскресшем Христе. Первая благовестница о Живом Христе, поправшем смерть, — вот кто она. О ней ли не будут говорить везде, где будет проповедано Евангелие? О том, что она сделала? Она ли не будет говорить о том, что Он с нею и для нее сделал? Воскрес. Смерть, где твое жало, ад, где твоя победа?

На прощении Христа, на воскресении Его для нее первой — вот на чем стоит вся ее дальнейшая жизнь. Прежнее прошло. Теперь все новое, и не к черепу, символу смерти, Магдалина возвратится и не плакать будет, а, помня о прощении прежних грехов и всегда видя перед собою своего Воскресшего Господа, будет бодрствовать в молитве — в жизни, обратившись и призывая других благою вестью. Ее служение — Любовь, многократно, обильно, славно умноженная Его любовью. Никакого плача, но радость в Духе Святом и твердость в последовании за Ним.

Весть о воскресении Христа была принесена апостолам грешницей Магдалиной. Они пошли проверить.

Весть о воскресении Христа жива в многогрешном русском народе и может

поставить в тупик всякого проповедника. Сила духа ему нужна, чтобы сделать твердым его звание и избрание. Сила духа, чтобы любовь у него зижделась на каменном характере. Духа Твоего!

Она приобрела искупленный характер. Характер не свой, а свыше. Характер, принадлежащий не ей, а Тому, от Божественной силы Которого она его получила.

Да, Господи, всегда буду говорить о ней и о том, что она сделала. О ее любви. О Твоем прощении. О Твоем воскресении в ней, в грешной Магдалине.

Мария Магдалина, благовествующая Евангелистам и апостолам — вот картина. Благовестив живое, из факта, из наблюдения действительности, из внутреннего искания, побуждавшего идти рано поутру с ароматами.

И мне, Господи, с легких страниц Твоего Евангелия она возвестила о Тебе. Аромат, аромат ее любви веет с этих страниц...

И как она переменялась. Ей не нужно было уже возвращаться к прошлому. Плакать о грехах. Книга Ветхого Завета открытая перед нею в Картине, нужна ей не как напоминание об ее греховности. Нет, в ее руках — вернейшее пророческое слово — светильник будущего. Ей не нужно удостоверений о том, что Иисус действительно Христос, Сын Божий. Она Его касалась. Его осязала. Видела и не смела прикоснуться к Восходящему. Наконец, ощущала Его в собственном своем теле, когда Он исчез. Он был в ней. Она говорила и действовала и жила Его Духом. Имела в себе Его Тело.

Она не могла больше грешить. Не то, что с нею не могло бы случиться, чтобы она согрешила и не то, чтобы ей позволено было грешить. Но она внутренне, по душе не могла уже грешить, потому что имела Его в себе. Она возродилась от Него, и она могла понимать слова любимого ученика: рожденный от Бога не грешит.

Прежний образ жизни просто был бы для нее болезненно мучителен. Грехопадение было бы не грехопадением, а растлением — невыносимым, отвращающим от себя, противоестественным, независимо от объективного своего характера, — по самому новому естеству человека. В силу святости, в ней пребывающей, Силою Сына Божия, в ней живущего своею благодатию. Так. Святость не заслуга, а дар, дар любящим Бога ревностным сердцем. В Магдалине отныне умирающий и утверждающийся Петр. Любовь на Камне. На Камне Любовь.

И это сделало прощение Христа. Его воскресение для нее и в ней.

Но какой конец непокоряющимся Евангелию Божию?

Она восприняла живо, передала живо. Когда в России широко прозвучит живая весть, вечно новая весть, тогда Сам Бог всякой благодати совершит, утвердит, укрепит, сделает непоколебимыми своих детей в русском народе.

Когда потоки Его Духа прольются на эту большую Магдалину.

Заключительное дело Петра возвестить и дать окончательное и полное прощение. Еще чуть-чуть, и истомленные неурядицей и раздорами души будут ждать исцеления.

«Долготерпение Господа нашего почитайте спасением.»

«Не отпасть от утверждения» — вот его забота.

Характер человека, его отзывчивость и внимание, твердость и постоянство в нравственных качествах в достижении цели, в сношениях с людьми, могут воспитываться и созидаться только при наличии одного неперемennого условия. Это условие — глубокий, духовный мир и доверие к господствующему во вселенной Духу и по крайней мере спокойствие в отношении к окружающим людям. Нужна личная своя точка опоры, и внутренняя открытость. Омраченная совесть, неодолимая помеха как в деле самовоспитания, так и в уверенной деятельности, направленной к благу ближних. Нужно какое-то интимное равновесие, которое несомненно не создается заглушением голоса совести, постоянно терзающей или обдающей жаром и холодным потом. Мы знаем, какую тягость для нас составляют наши долги, наши денежные долги и какую внутреннюю помеху они создают. Ощущение связанности, ощущение стыда. Ложное положение, затрудняемое невозможностью уплаты. Невозможность встречи. Не менее тяжелы личные счеты,

наши вины и неловкости, в которых мы запутываемся, притязания к нам со стороны людей, которых волей или неволей мы забыли, обидели больно или немного, заслуженно или незаслуженно — это все равно. Есть долги и другого, большого рода — не касаясь непосредственно людей, — некрасивые, постыдные для собственного нашего сознания поступки, создают для нашего бытия ту неотчетливость, ту покатость, на которой стояние и стойкость созидаться не могут. Подавленность, угнетенность, искание забвения, ложный, неискренний смех, кривая усмешка, невольно опускаемый взор — мы все это чувствуем и, оставаясь в этом, мы не можем бодрствовать; только заснув и дав место лучшему целителю: лени или распушенности. Все это плохая база для построения Царства Божия. Хотя — и благодарная почва. Мытари и блудницы идут впереди. Они нуждаются в Ком-то и потому идут. В своей омраченности они чутче к Свету. Самая ликвидация этих долгов возможна только при нахождении точки стояния. Дай опереться — сделаю. И естественно чувство любви и благодарности, которое вспыхивает и разгорается к тому, кто дает мира и равновесие для необходимой ликвидации старых счетов, для погашения долгов, для оправдания себя. Камень.

Этому научил Иисус. Научил малосознательных людей, плохих психологов, не умеющих управлять жизнью, ее направлять для внутреннего Царства. Сосредоточенная на своей задолжности везде и всюду мысль в религиозном сознании создает то отчаяние перед лицом Невидимого Бога, которое именно религиозных людей наиболее подавляет. И очень часто является поводом к отпадению от веры, к отпадению от Бога. Оскудению любви. Наше внимание к окружающим нас людям, наша неспособность отозваться на голос совести, тревожащий душу нашего ближнего — это страшное расточение Божьего имени в душах людей. Мы склонны судить и осуждать, мы склонны забывать, что мы сами подсудимые в глазах наших соседей и ближних, мы готовы забросать камнями душу знакомых, родных и неизвестных нам людей, исходя... не из своей совести, нет, в этих случаях не совесть наша говорит, а рационализированное, теоретическое представление о порядочности, нравственном идеале, долге, мораль. И часто такой самосуд — плохая прикрышка собственной виновности, собственной виновности не только в наших личных отклонениях от этических требований нашего сознания, но и собственной нашей виновности в том, что душевное состояние наших ближних так удручено. Мы скорее стиснем зубы и отойдем, чем подойдем и поможем во внутренней тяготе человека. Для того, чтобы с легким сердцем или тоже с ужимкой пройти по этому поводу дома,...

Нужен выход, нужен исход, надо вздохнуть, чтобы привести в порядок запутанные дела. В глазах Христа душа человечества большое имение, в котором каждый призван быть деятельным работником. Неся человечеству освобождение от томящего его подавления долгом и долгами, Он искал Себе сотрудников и помощников среди людей же. Не ангелов избрал для облегчения души человека, но нас же навел на мысль о том, что Бог, Которому мы все должны, заинтересован не столько в уплате по старым счетам, сколько в ясности, откровенности наших с Ним отношений. В любви нашей, вопреки всякой греховности. Тем, кто когда-либо может Его понять, ученикам Своим, не апостолам только, Он рассказал притчу о неверном управителе, который расточал имение своего хозяина.

В греческом тексте этой главы слово — эконоом. В первом послании Петра это же слово эконоом в греческом тексте соответствует поставленному в русском переводе: «домостроители». Вы, пишет Петр, домостроителя многообразной благодати Божией. Понятие духовной экономики, разумного ведения души и душ, домоводство в области внутренней жизни человека, правильного расходования богатств и сбережения ценностей — понятие, над которым следует призадуматься тем, кто монополизировал право и функцию связывания и развязывания, кто взял ключи. Петр, апостол Петр, живое воплощение этой идеи и миссии Христа, как мы видим, смотрел на дело более по-республикански и думал,

что коллектив, кооперация более соответствующий интересам дела способ ведения хозяйства, чем интендантство. Но... интенданты власти не уступают и держат крепко ключи опустошаемых амбаров и гумен Божьей экономии. Они опустошают и расточают душу народную, давая ворах воровать из этой души, не заботясь о ней, не лелея и не взращивая. Синодское интендантство — что это, как не организация по делам бракоразводным? Стоит ли много об этом говорить? Если они управители, то доношу Тебе, что они расточают Твое имение... Но Петр, лучше меня и своих преемников знает Христа именно потому, что сам в своей деятельности был верным управителем. Церковь — демократия. «Прощайте друг друга, как и Христос вас простил.» «Признавайтесь друг другу в проступках и молитесь друг за друга. Много может усиленная молитва праведного.»

Таковы великие, соборные, вселенские истины, возвещаемые Богом в Евангелии для разумной экономики души.

Сложная организация порядка исповеди и прощения, оскорбление терзающегося сознанием виновности духа, допросы с пристрастием — что это Петр?

Разве нельзя просто прощать? Разве таинство — внутреннее общение с Сокровенным Хозяином — оттого перестанет быть таинством? Да что это психика, душа, совесть свободного человека, или комедия, обряд и рабство людям? Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным.

А явно — всепрощение. Но понятно, только для жаждущих прощения. А не для глумящихся. Кто же прощает? Бог, Который во всем и в нас. И наше дело — только возвестить об этом. «Все, обнаруживаемое от света — свет есть.» Но... сыны века сего, делающие скидки, чтобы приобрести клиентов для себя, для своих мелких лавочек, догадливее сынов света в своем роде. Сыны света не понимают, что и их спасение зависит от спасения других, что для их спасения душевное состояние Божьих должников что-нибудь значит, что духовная помощь собратьям по виновности создает в их душах приют и пристанище и благодарность. Создает живую связь с человечеством, внутреннюю в обителях.

Духовное обнищание неизбежно, и только радость и освобожденный дух друзей наших приют и поддержка для нас. Догадлив тот, кто прощает за себя и по долгам Богу. Не в силу круговой поруки и уговора обмануть хозяина, обмануть Его; верный в малом будет верен и в великом...

Те, которые при оценке исторического видят только уклонение от идеала и извращение, отпадение, упускают что в своем плане Божество постоянно пользуется обнаружением и выявлением наших слабостей, даже в великом и героическом, для убеждения, для воздействия с другого конца.

Моисей не выдержал и ударил скалу. Злоупотребление тем волевым нормативным, строго императивным началом, которое он представлял, и Моисей не вошел.

Но народ вошел.

В мире приносится новое начало — благодатная сила, исходящая от личности, ее влияние, ее обаяние и благоухание.

И он, приносящий Царство, утверждает: Скорее небо и земля прейдут, нежели одна черта из закона пропадет. (Лук. 16, 7)

И отсюда вывод:

Связь с прошлым, преемство, верность истории, признание святости и правдивости Божества в существе развиваемого им хода истории, истории человеческого духа. Его воспитания. С прошлым нельзя развестись. Настоящее вытекает из прошлого. Все связано в божественном плане. Отвержение исторического прошлого и квалификация нового, как имеющего иное преемство, иную связь, иную традицию — блуд.

Всякий разводящийся с женою своею и женящийся на другой, прелюбодействует, и всякий женящийся на разведенной с мужем, прелюбодействует.

Внезапное отвержение исторической церкви и установление для себя нового преемства есть прелюбодеяние.

Несмотря на все ее обветшание, устарелость, несмотря на необходимость провозвестия нового, нового благовестия.

Но Моисей отходит. И ветхозаветные пророки отходят. И смиряются. «Если я хочу.»

Давид не построил храма, хотя желал и рвался к этому. Построил Соломон.

И ныне наступило время новой развязки, хотя и не развода. Исторически сложившаяся Церковь, которую вела благодать Господа нашего Иисуса Христа, а не сатана, должна смириться перед новым словом. Новым благовестием, благовестием Царства Духа Святого. Либо этот благой и святой путь, либо победа за антихристом, новым, надвигающимся «учителем» — человеком, который «придет и научит нас всему». «Вы знаете все и не имеете нужд в том, чтобы кто учил вас.» «Один у вас Учитель — Христос.»

«Придет дух Истины, Который от Отца исходит и научит вас всему.» Вот ответ Христа.

И будет: «все будут научены Богом.» Вот ответ пророков из глубины веков. «Вселюсь в них и буду ходить в них.» Впрочем вы имеете помазание от Святого...

Как некогда закон не был написан в сердце, но шел извне, так ныне благодать воспринимается точно извне.

О природе говорим — благодать.

Об изобилии — благодать.

Когда же благодать возымеет в тебе силу?

Когда поймешь, что и ты — сын?

По Его благодати, действующей внутри тебя?

Когда ты сам станешь благодатным?

Не понял еще?

Есть христианство тайное — бессознательное.

Есть христианство явное — сознательное.

Есть христианство словесное.

Есть христианство кровное.

Проповедую сознательное кровное христианство.

Для деятельности во вселенской церкви слишком важна ориентировка в месте и во времени в своем собственном духе — верующего, и в духе обращаемых к Истине людей.

Где я и где ты? Где вы? Ваша история, ваша среда? Правда этой вашей минуты?

Иоанн Креститель — вечный символ и олицетворение и дух крещения. Где бы и кто бы ни крестился и в кого и чем бы ни крестил.

Из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя. Крестил Самого Господа. Это поворот совести ко Христу.

Всякое крещение есть образ и дух и сила Иоанна Крестителя. Но роль его служебная, подготовительная. Дестинатары — те, для кого все предназначено, кому все служит, наследники и пользователи — дети Царства.

«Меньший в Царстве Небесном больше его.»

Крещеный и крещеные Самим Духом.

И способ крещения, взятый Иоанном, сыном Захарии и Елизаветы, не исчерпывающий, не универсальный, не совершенный для совершения мужа совершенного по образу и подобию Христа.

Быт и светский язык говорят о боевом крещении, о философском крещении в Берлине и т.д. Это я оставляю — это произвольное пользование святой терминологией. Я говорю о крещении в святость. Ной крещен потом. Бежавший с Моисеем Израильский народ — прообраз христианского человечества — Церкви в широком смысле крестились в Моисея в облаке и в Черном море.

Иисус Навин провел сквозь Иордан.

Елисей крестил Неемана Сириянина в Иордане.

Иордан взял это.

Водю.

Когда Израиль призван был совершить переход от власти закона, обессиленного грехом, к силе благодати, омывающей от греха, — он был омыт водю. Сын Божий, чтобы совершить всю правду, тоже пришел сюда. И крестился от Иоанна, творя переход к новой эре в развитии и совершенствовании нашего духа. От воды и водю. Или пророческим словом «банею водною посредством слова...»

Сквозь это же крещение наивно и бессознательно, влекомые таинственной силой проходили и толпы мытарей и блудниц. Прошли и ученики сами, и провели и других.

«Вы уже очищены словом моим» услышали они, наконец, от Господа и Учителя в последний вечер.

ЖИВОЕ СОБЫТИЕ, кровавое и вечно значительное в каждую конкретную минуту.

Кровное христианство.

Вошедшее в плоть и кровь.

При всех моих немощах.

Это — мое. Неотъемлемое. Живое и святое. Внутреннее.

Тайное и являющееся в слове. Это тот «дар, который я получил» (I П.) и этим даром служу Ему и вам. Искупленная мысль. Ему принадлежащая. Им очищаемая. Непродажная. И ревниво не терпящая рассеяния.

Безумие Христа ради. «Препоясание чресел ума.» В этом радость неизреченная и блаженство правды. Аминь.

Эту кровь я ощущал в себе до крещения Духом, которое двинуло меня на проповеди.

Более того, ранее сознательного подхода и изучения Слова.

Это жило во мне. Но подавлялось.

Обряды? В Духе — обрядов нет, обряды — мертвое, искусственное. Живая жизнь и Бог в людях и в природе. Творчество, и если нет других талантов, то всегда есть творчество превосходнейшее — творчество добра.

Продолжение следует